№ 593. Третій годъ изданія. Пятница, 7 сентября 1907 г.

БИБЛІОТЕКА МУЗЕЯ

ГОЛОСЪ ПРАВДЫ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Въ этомъ № 8 страницъ. ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО. **ЦѢНА № 3 КОП.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ:

на 1 г.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
4 г.	3р. 70 к.	3р. 25 к.	3р.	2р. 70 к.	2р. 35 к.	2 р.	1 р. 50 к.	1 р. 35 к.	1р.	75 к.	50 к.

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ:

5 р. 4 р. 75 к. 4 р. 25 к. 3 р. 75 к. 3р. 40 к. 2 р. 95 к. 2 р. 50 к. 2 р. 1 р. 85 к. 1 р. 40 к. 1 р. 10 к. 70 к.

Войск. частямъ, офицерамъ, нижн. чинамъ, учител. сельск. школъ, крестьянамъ, сельск. общ. и волостн. правл. газета высылается на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и для городскихъ подписчиковъ, безъ приплаты за пересылку.

Подписка принимается на всѣ сроки: въ главной конторѣ редакціи—*Спб., Невскій пр., д. № 112, кв. 8*, въ Экономическомъ обществѣ офицер. гвард. корп. (Литейный, 18). Годовая подписка приним. въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", т-ва Вольфъ, конторѣ Метцль и К°, кіоскахъ Пташникова и др. Въ провинціи—во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка годов. подписч.: при подпискѣ 1 р. и ежемѣсячно по 1 р.

Контора редакціи открыта отъ 11 до 5 час., кромѣ праздниковъ. За перемѣну городск. на иногородній и иногородн. на такой-же адресъ—40 к., городского на городской—10 к.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: за мѣсто, занимаемое строкою петита, *впереди текста*—60 к.; позади текста—20 к. Для *ищущихъ труда*—7 коп. за строку, *для предлагающихъ мѣста безплатно*. При многократныхъ объявленіяхъ дѣлается скидка.

Розничная продажа—въ Спб. у газетчиковъ русской артели, въ кіоскахъ Пташникова и повсемѣстно въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ.

Пріемъ для объясненій по дѣламъ редакціи—отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ дня.

Телефонъ редакціи: 62—00.

СЕГОДНЯ ВЪ НОМЕРѢ:

Русско-японская рыболовная конвенція.—„Ближе къ дѣлу!"—Одна изъ многихъ (Къ положенію сельскихъ учительницъ).—Финляндія и русское правительство.—Англичане и Египетъ.—Нѣмецкіе выборы и война.—Реформы во французскомъ флотѣ.—Голоса провинціи.—Къ выборамъ въ Государственную Думу.—Новые грабежи и убійства.—Фондовая биржа.

Фельетонъ: „Лубокъ" Максима Горькаго.—Изъ живой лѣтописи недавнихъ ужасовъ.—„Чортовы качели" грознаго Ѳедора Сологуба.—„Историческій Журналъ" І. І. Ясинскаго („Въ дебряхъ и тундрахъ современной литературы", LI)—Литературнаго Старовѣра.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДІЕ 1907 ГОДА

на выходящую подъ редакціей **А. А. Коринфскаго**

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями.

Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 2 рубля за 1/2 года. **(3-й годъ изданія)** Съ пересылкой въ провинцію 2 р. 50 к. за 1/2 года.

Въ каждомъ № 8 страницъ. **„ГОЛОСЪ ПРАВДЫ".** Отдѣльные №№ 3 коп.

Направленіе **газеты національно-либеральное.**

Твердо вѣря въ значеніе и силу принципа національности, видя въ немъ залогъ мощи Россіи и ея дальнѣйшаго нормальнаго развитія, „Голосъ Правды" является въ тоже время прогрессивнымъ органомъ, отзывчивымъ на всѣ обоснованныя либеральныя идеи и борющимся противъ теченій крайнихъ лѣвыхъ и правыхъ партій, одинаково вредныхъ для естественнаго проведенія въ жизнь свободъ и началъ, возвѣщенныхъ Манифестомъ 17-го октября. Интересамъ трудящихся классовъ, а въ особенности насущнымъ нуждамъ крестьянскаго населенія, на страницахъ „Голоса Правды" отводится самое широкое мѣсто.

Въ газетѣ принимаютъ участіе Р. Л. Антроповъ, А. Н. Афанасьевъ, Н. Ѳ. Бажинъ, Поль Беранжеровичъ, А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ, Бобыль, П. В. Быковъ, С. Ѳ. Бѣльскій, П. Е. Васильковскій, В. М. Грибовскій (д-ръ государ. права) А. А. Громовъ, А. Н. Доганович, Ф. К. Константиновичъ, Аполлонъ Коринфскій, Петръ Криница, А. В. Круглов, А. С. Лазаревъ (Грузинскій), В. П. Лебедевъ, В. А. Мазуркевичъ, К. А. Максимовъ, А. Ѳ. Мейснеръ, А. А. Осиповъ, П. Д. Паренсовъ, Е. А. Пасыпкинъ, Пиратъ, Н. И. Позняковъ, Н. Х. Полномочный, К. И. Ровинскій А. Е. Снѣсаревъ, Н. М. Соколовъ, Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ, С. И. Уманецъ, К. М. Фофановъ, Холодовъ (псевд.), Ѳ. В. Чернговецъ, А. Г. Шиле, В. Ю. Шимановскій, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), Н. П. Языковъ и мн. др.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и селахъ Европейской и Азіатской Россіи, что даетъ ей возможность своевременно отзываться на важнѣйшіе вопросы провинціальной жизни.

Въ числѣ другого разнообразнаго литературнаго матеріала во второмъ полугодіи будутъ напечатаны: историческая повѣсть В. П. Лебедева **„ВЪ ГОСУДАРЕВУ ДУМУ"**, повѣсть (изъ соврем. жизни) Р. Л. Антропова **„Въ антихристовы дни"**, новые разсказы Н. Ѳ. Бажина **„Изъ очерковъ смутнаго времени"**, разсказъ Н. И. Познякова **„Бумажные люди"**, повѣсть П. Е. Васильковскаго **„Чистая душа"**, рядъ набросковъ А. В. Круглова **„Мысли и факты"**, рядъ новыхъ **„Бывальщинъ"** Аполлона Коринфскаго; попрежнему еженедѣльно будутъ помѣщаться **„Пестрыя Записки"** *Холодова*, **„Пѣсни Новаго Скомороха"** *Поля Беранжеровича*, воскресные фельетоны *Бобыля*, **„Въ дебряхъ и тундрахъ современной литературы"** *Литературнаго Старовѣра* и проч.

ПЕТЕРБУРГЪ, 7-го сентября.

Рыболовная конвенція составляетъ вторую и совершенно обособленную часть русско-японскаго соглашенія. Принципы ея во многомъ совпадаютъ съ принципами договора о торговлѣ и мореплаваніи, но въ конвенціи они имѣютъ подъ собою болѣе рискованную почву. Для японцевъ вопросы рыболовства являлись существенными и роковыми. Съ рыболовствомъ у нихъ связывался не только одинъ изъ крупнѣйшихъ ресурсовъ народнаго пропитанія, но оно-же давало хотя-бы небольшое удовлетвореніе разочарованному и обездоленному „побѣдителю". При обсужденіи конвенціи этого нельзя упускать изъ виду.

Въ самомъ дѣлѣ, что-же получили японцы за свой успѣхъ въ русско-японской войнѣ? Южную половину острова Сахалина? Но она вѣдь уже принадлежала имъ двадцать лѣтъ тому назадъ и въ то время, вѣроятно, представляла для нихъ болѣе чѣмъ скромную цѣнность, если японцы нашли возможнымъ уступить намъ эту часть въ обмѣнъ на пустякъ. Японцы насъ вытѣснили изъ южной Маньчжуріи, но вѣдь отъ этого выигралъ Китай и другія страны Европы въ такой же мѣрѣ, какъ и потрудившаяся Японія. Предъ нею, правда, открыты здѣсь всякаго рода преимущества, но, чтобы ими воспользоваться, нужны прежде всего деньги, а ихъ у Японіи нѣтъ. А что главное—японцы не получили съ Россіи денегъ, почему многомилліонныя траты и непомѣрный трудъ, понесенные желтымъ народомъ въ тяжкомъ состязаніи съ нами, не были возстановлены соотвѣтствующимъ денежнымъ эквивалентомъ, въ видѣ контрибуціи, откуда слѣдуетъ, что весь побѣдоносный подвигъ Японіи въ практическомъ отношеніи пошелъ прахомъ... Остались воспоминанія, слава, закрѣпла въ народѣ духовная мощь—это, конечно, не мало,—но долги, финансовая немощь и однобоко направленная народная энергія останутся долгимъ и длительнымъ ярмомъ на шеѣ побѣдителя.

Вполнѣ понятно, что рыболовныя привилегіи для японцевъ явились тѣмъ уголкомъ, изъ котораго можно было хоть что-либо вернуть въ страну взамѣнъ многаго, принесеннаго ею на алтарь бога войны. Японскіе дипломаты должны были поневолѣ оказаться въ вопросахъ рыболовной конвенціи особенно настойчивыми, особенно даже щепетильными, и это, повторяемъ, нужно имѣть въ виду, чтобы не увлечься жаромъ обвиненія по адресу русскихъ дипломатовъ, слишкомъ много яко-бы уступившихъ и не всегда какъ-будто оказавшихся достаточно свѣдущими и прозорливыми.

Прежде всего, при обсужденіи общаго плана рыболовной конвенціи поднимается вопросъ, можно-ли было японскихъ и русскихъ предпринимателей ставить на одну доску? Несомнѣнно, это былъ принципъ, достаточно для насъ невыгодный. Помимо профессіональныхъ преимуществъ японцевъ (привычка къ рыболовству, знаніе мѣстъ, техническія преимущества, лучшая организація сбыта и т. д.), близости Японіи и другихъ условій подобнаго характера нужно имѣть въ виду, что организація нашего переселенческаго дѣла издавна велась такъ, что далекая окраина обезпечивалась лишь притокомъ земледѣльческихъ силъ исключительно; рыболовы на Дальній Востокъ не шли, изъ торговцевъ сюда направлялись лишь люди начинающіе, малоденежные, искатели того промышленнаго труда, который первый подвернется подъ руку. Японскимъ рыболовамъ на дальне-восточномъ побережьѣ и бороться-то будетъ не съ кѣмъ.

Поэтому, сравненіе ихъ въ правахъ съ небольшой горсточкой русскихъ—бѣдныхъ и мало снаровистыхъ—рыболововъ на практикѣ должно вылиться къ полному захвату японцами побережья. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что территорія разрѣшеннаго рыболовства явится первымъ этапомъ на пути дальнѣйшаго продвиженія японцевъ по нашей дальневосточной окраинѣ. Перспектива тѣмъ болѣе опасная, что Америка, Австралія и южная Африка, повидимому, вскорѣ придутъ къ закрытію доступа къ себѣ японцевъ и тѣмъ сдѣлаютъ переселенческую волну въ наши предѣлы болѣе упорной и массивной.

Равенство русскихъ и японскихъ рыболововъ является поэтому принциніальнымъ недочетомъ, который можетъ повести въ будущемъ къ опаснымъ послѣдствіямъ. Но кромѣ этого общаго недостатка въ конвенціи встрѣчаются частности, съ которыми русскимъ людямъ трудно было-бы помириться. Даже не особенно спеціальная карта дальне-восточнаго побережья показываетъ гораздо большее число бухтъ, въ которыхъ имѣло-бы крупный смыслъ запретить рыболовство японцамъ, чѣмъ то, которое приведено въ рыболовной конвенціи. Ихъ указано слишкомъ мало, число ихъ, по крайней мѣрѣ, могло быть удвоено, если не утроено. Впрочемъ, въ какомъ видѣ проявится русскій запретъ на практикѣ? Кто будетъ слѣдить за японцами? И развѣ трудно будетъ имъ обойти всякія преграды и сдѣлать то, что выгодно? Быть можетъ, и эти бухты окажутся во власти желтыхъ.

Нельзя согласиться съ тѣмъ положеніемъ конвенціи, которое, устанавливая понятіе о рыболовствѣ и исключивъ лишь морскихъ бобровъ и котиковъ, въ категорію *рыбъ* включаетъ, кромѣ дѣйствительныхъ рыбъ, всякія морскія растенія и даже кита... Послѣдняго можно причислить къ разряду рыбъ, развѣ придерживаясь терминологіи извѣстной русской сказки, повѣствующей о „рыбѣ-китѣ". Такое широкое толкованіе „рыбы" открываетъ въ будущемъ слишкомъ большія двери для японской промышленности и поэтому заставляетъ ожидать еще большей иммиграціонной волны японцевъ въ послѣдствіи. Но какъ ни прискорбны для Россіи приведенные недочеты и нѣкоторые другіе, ихъ, во-первыхъ, вѣроятно, было трудно избѣгнуть по условіямъ слишкомъ жизненной важности для Японіи рыболовнаго промысла, а, во-вторыхъ, конвенція есть уже совершившійся фактъ. Въ Россіи всегда найдутся средства и, при вниманіи, таковыхъ окажется не мало, чтобы смягчить и свести даже къ нулю отрицательныя стороны конвенціи. Волноваться поздно, да, можетъ быть, не такъ-то ужъ и нужно.

Ближе къ дѣлу!

Попадая въ глушь провинціи, отрываясь на время отъ искусственной атмосферы, въ которой живутъ и работаютъ столичные журналисты, невольно испытываешь чувство подавленности и даже нѣкотораго испуга.

Пугаетъ и подавляетъ та огромная, прямо необъятная, масса неотложной, страшно необходимой и важной работы, которую надо совершить возможно скорѣе, безъ малѣйшаго промедленія, потому что всякій потерянный день очень тяжело отзывается на сотняхъ и тысячахъ людей.

Съ точки зрѣнія людей, которыхъ заѣли общія мѣста и широкія формулы, эти дѣла кажутся мелкими, а иногда и прямо ничтожными.

Сплошь-да-рядомъ попадете въ уѣздный городишко или село, гдѣ много лѣтъ безплодно хлопочутъ объ открытіи гимназіи или сельско-хозяйственной школы, услышите горькія жалобы на отсутствіе медицинской помощи, на бездорожье, продажность и негодность волостныхъ судовъ, на неудовлетворительную организацію полиціи и т. д., и т. д. безъ конца. И каждый разъ обыватель сошлется на свой примѣръ, назоветъ имена, мѣсто и время. Разскажетъ подробно ка-

кой-нибудь одинъ случай, изъ которыхъ, какъ изъ мозаики, складывается тяжелая русская дѣйствительность. И чѣмъ больше слушаешь и смотришь, чѣмъ ближе знакомишься со всѣми недочетами подлинной жизни, вырисовываются тѣ обязанности и тѣ задачи, которыя населеніе возлагаетъ на Госуд. Думу. Отъ послѣдней ждутъ такой работы, осязательные результаты которой немедленно скажутся въ жизни.

Два раза эти ожиданія были обмануты. Картина нашего общественнаго и государственнаго строительства за послѣдніе два года походила на такую сцену...

Разгороженный крестьянскій дворъ; изба валится, крыша сгнила; въ избѣ лежатъ на соломѣ больныя голодныя дѣти, а на дворѣ безъ конца идетъ споръ о „матеріяхъ важныхъ“ и злобныя препирательства:

— Задачи момента... партійная тактика... соціализмъ, синдикализмъ, максимализмъ...

Спорящіе ни до чего договориться не могутъ, рознь и взаимное непониманіе растутъ и могутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока развалится изба и на развалинахъ вырастутъ деревья.

Когда человѣкъ боленъ, то для него нѣсколько гранъ хины значатъ неизмѣримо больше, чѣмъ всѣ лекціи всѣхъ профессоровъ медицины. Голодному кусокъ хлѣба принесетъ больше пользы, чѣмъ самыя блестящія описанія роскошныхъ обѣдовъ.

Россія, русскій народъ нуждаются теперь въ живомъ насущномъ дѣлѣ, въ черной работѣ. Такой работы ждетъ она отъ Г. Думы. Къ сожалѣнію, эта точка зрѣнія остается непонятной краснымъ политиканамъ и кадетамъ. Штурмъ власти или осада государственной власти были и, повидимому, остаются ихъ главнѣйшей цѣлью. Для эсъ-дековъ и трудовиковъ Г. Дума является лишь орудіемъ въ борьбѣ съ правительствомъ, а кадеты главную часть усилій направляютъ на завоеваніе министерскихъ креселъ. Парламентаризмъ для однихъ и „организація революціонныхъ народныхъ массъ“ для другихъ замѣнили живую огромную работу, которой ждутъ народъ и государство.

Ненависть къ правительству у лѣвыхъ столь велика, что во второй Думѣ эсъ-деки и соціалисты-революціонеры высказывались противъ ассигнованія дополнительныхъ кредитовъ на продовольственную помощь.

Законопроекты, внесенные во вторую Думу министерствами, образовали своего рода залежи. Среди этихъ законопроектовъ было много такихъ, о которыхъ, кажется, и спорить было нельзя, въ-родѣ ассигнованія на устройство новыхъ школъ, и, тѣмъ не менѣе, лѣвые депутаты стремились провалить эти законодательныя предположенія, потому только, что исходили они отъ правительства.

Выходило по хохлацкой пословицѣ: „Паны дерутся, а у хлопцевъ чубы трещатъ“.

Выборы въ третью Думу идутъ вяло. Въ бессарабской губерніи съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ совсѣмъ не могли состояться. Слабое участіе обнаружили избиратели-рабочіе и крестьяне въ губерніяхъ московской и нижегородской.

Причины явленія понятны. Не желаютъ ихъ видѣть только газеты лѣваго лагеря. Подъ дружнымъ натискомъ революціонныхъ организацій, красной печати и при пособничествѣ кадетовъ обѣ Думы превратились въ политическіе клубы, гдѣ ежедневно шли многолюдные митинги съ участіемъ болтливыхъ, но въ большинствѣ бездарныхъ, ораторовъ.

Потоки хлесткихъ рѣчей потопили насущное дѣло, и, заплативъ нѣсколько милліоновъ рублей, Россія получила за эти деньги лишь груду стенографическихъ отчетовъ. Лѣвые вновь идутъ въ Думу для произнесенія съ парламентской трибуны рѣчей, которыя ни на шагъ не подвинутъ дѣло государственнаго строительства, а, можетъ быть, создадутъ лишь рядъ новыхъ скандаловъ, въ которыхъ примутъ участіе преемники гг. Аладьина, Алексинскаго и Озола съ одной стороны и Пуришкевича—съ другой.

Третьей Думѣ выпадаетъ тяжелая обязанность. Она должна показать народу на дѣлѣ, что законодательная работа его представителей нужна и полезна. Время отвлеченныхъ споровъ и препирательствъ должно кончиться. Жизнь не ждетъ и каждый день выдвигаетъ въ разныхъ концахъ необъятной Россіи все новые и новые тяжелые вопросы, которые, накопляясь и оставаясь неразрѣшенными, могутъ, въ концѣ-концовъ, совершенно засорить государственный механизмъ.

Въ третьей Думѣ нужны не теоретики, не агитаторы и политиканы, а люди, желающіе и способные изо-дня-въ-день трудиться надъ сотнями вопросовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности можетъ казаться неважнымъ. Въ политикѣ, какъ и въ медицинѣ, средства, излѣчивающія всѣболѣзни, предлагаютъ только невѣжды или шарлатаны.

С. Бѣльскій.

Одна изъ многихъ.

Я зналъ ее тогда, когда глаза ея горѣли юношескимъ блескомъ и красотой, когда она, смѣясь и негодуя, откидывала нетерпѣливымъ жестомъ упрямую прядку каштановыхъ волосъ, наползавшую на лобъ.

Она пошла на курсы, изучая попутно и медицину,—однако со второго курса ушла и въ одинъ прекрасный день объявила намъ:

— Баста! Иду въ деревню.

— А изученіе философскихъ системъ?

— Все это—мертво. Помните мѣсто изъ Евангелія: „вѣра безъ дѣлъ мертва есть“. На земскую ниву хочу идти я, въ сельскія учительницы.

— Подвижничать захотѣли?

— То-есть почему это „подвижничать“?— не безъ досады начала она.—Что за пошлость: изъ самой обыкновенной вещи вы готовы, господа, сдѣлать какіе-то „подвиги“. Неужели учительствовать въ деревнѣ есть подвижничество? Нѣтъ, вы скажите, чѣмъ, какъ не личнымъ трудомъ, мы можемъ принести дѣйствительную пользу нашей родинѣ? Словами? Такъ вѣдь слова—дешево стоятъ. Почему я должна изучать Фихте и Канта, а не должна перевязывать гнойную рану на ногѣ какого-нибудь Пантелея?

...Прошло около десяти лѣтъ. И вотъ, на этихъ дняхъ я встрѣтился случайно съ ней. Какъ измѣнилась она, милая дѣвушка-энтузіастка! Передо мной стояла сухая, скорбная, сгорбленная тѣнь ея.

Черезъ полчаса мы уже бесѣдовали.

— Я только недавно вернулась изъ мѣста моего „подвижничества“, а до тѣхъ поръ вѣрой и правдой вспахивала земскую ниву.

— И все въ одномъ мѣстѣ?

— Нѣтъ, на многихъ.

— Ага, перебѣгали... И причина?

— Мой Богъ, ихъ милліоны!.. Хотите, по-порядку? Извольте. Первымъ мѣстомъ моей службы сельской учительницы было село „Пѣтушки“. Село было богатое, съ волостнымъ правленіемъ. Въѣхала я въ него и, не зная, гдѣ находится школа, а вмѣстѣ съ ней и мое помѣщеніе, направилась въ волостное правленіе. Былъ праздничный день. Село гуляло, пьяно гуляло. На крыльцѣ меня встрѣтилъ молодой человѣкъ въ клѣтчатомъ пиджакѣ.

— Что вамъ угодно, кралечка?—„фертовато“ подошелъ онъ ко мнѣ.

— Я васъ попрошу обойтись безъ этихъ нѣжностей!—замѣтила я. — Я учительница. Гдѣ школа?

— А я-съ—волостной писарь!—гордо отвѣтилъ онъ.—Вотъ что скажу вамъ, барышня: если вы будете со мной такъ фордыбачиться,—такъ я васъ скушаю.

— Вы или совсѣмъ пьяны, или — дуракъ!—отрѣзала я.—Гдѣ старшина?

— А вотъ-съ, идутъ-съ... Акимъ Ѳедулычъ!—обратился онъ къ подходившему толстому мужику въ щегольской поддевкѣ.—Акимъ Ѳедулычъ, дозвольте вамъ рекомендовать новую *мамзель*-учительшу. Сердитая—страсть, а только—недурна!

— Хороша дѣвка, да мало тѣла нагуляла!—крякнулъ старшина и подошелъ ко мнѣ вплотную.

— Гдѣ школа?—спросила я, чувствуя, что вотъ-вотъ у меня брызнутъ слезы.

— Пожалуйте!

Когда я пришла туда, я поразилась. Хлѣвъ, сарай... Холодно... Пусто... Столъ да нѣсколько скамеекъ.

— Вамъ чего желательно: сѣнца, али перину?—обратился ко мнѣ старшина.

— Все-равно.

— Ну, нѣтъ-съ, не все-равно, барышня. Сѣнцо—по закону отпущу, перинку — единственно по добротѣ сердечной, изъ уваженія къ вашей красотѣ ослѣпительной.

— Вонъ!—крикнула я, и нервы сдали. Я заплакала. Спускалась ночь. Я подошла къ крохотному окну. Село веселилось. Неслись пѣсни, звуки гармоники и ужасная ругань. И вдругъ... что это? Все ближе, ближе... Подходятъ къ моему окну. Хохотъ... топанье ногъ.... свистъ. Я отскочила отъ окна, въ

Въ дебряхъ и тундрахъ современной литературы.

LI *).

„Лубокъ“ Максима Горькаго.—Изъ живой лѣтописи недавнихъ ужасовъ („На войнѣ“ В. Вересаева).—„Чортовы качели“ грознаго Ѳедора Сологуба. — „Историческій Журналъ“ І. І. Ясинскаго.

Начатая съ чисто-художественнымъ подъёмомъ повѣсть Максима Горькаго „Мать“ (см. 531 № „Гол. Пр.“), напомнившая многими страницами о прежнемъ Горькомъ, когда онъ еще не расхаживалъ по дебрямъ и тундрамъ россійской словесности въ мантіи Великаго Максима и въ шутовской коронѣ „Его Босяцкаго Величества“,—какъ я и опасался того,—свелась въ дальнѣйшихъ главахъ, помѣщенныхъ въ XVIII „Сборникѣ“ Знанія, нанѣтъ. Авторъ не вытерпѣлъ, всталъ на ходули, махнулъ рукой на всякое подобіе художественности, и—вмѣсто яркаго и живого произведенія—получился безобразный лубокъ въ самоновѣйшемъ горьковско-товарищескомъ стилѣ. Что ни страница—то суздальская мазня, что ни положеніе—грубая поддѣлка подъ современность... Цѣлые десятки страницъ напоминаютъ собою что-то въ-родѣ торопливо-небрежно набросаннаго фельетона уличнаго листка тѣхъ недавнихъ послѣ-октябрьскихъ дней, когда—смотря на то, какъ старалась воспользоваться „свободою“ печать—такъ и хотѣлось, съ болью въ сердцѣ и съ тяжкимъ предчувствіемъ въ душѣ, повторять слова Некрасова:

„Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьетъ...
Ай да свободная пресса!..“ и т. д.

Тѣ-же, что и въ началѣ повѣсти, герои; та-же обстановка... Но всё это уже въ какомъ-то извращенно-тенденціозномъ видѣ—растрёпанное до послѣдней степени, съ налѣпленными, размалёванными краснымъ по черному, ярлыками, гласящими: „се левъ, а не собака“... Пробуетъ авторъ порою подпустить струю сантиментализма, чтобы еще болѣе ударить по нервамъ читателя,—и вмѣсто этого получается что-то жалкое до убожества, нелѣпое до комизма... Мѣстами онъ повторяетъ самого-себя, и повторяетъ изъ-рукъ-вонъ плохо, дѣланно и—какъ ни странно это—даже неумѣло,—какъ-будто это и пишетъ-то не самъ Максимъ Горькій, не одаренный относительно яркимъ талантомъ писатель, какъ хотите—представляющій собою весьма и весьма крупное явленіе въ современной литературѣ, а какой-то лепечущій съ чужихъ словъ малоосмысленный, еще не вошедшій въ свою роль, „подмаксимокъ“. Особенно бросается это въ глаза на тѣхъ страницахъ, гдѣ идетъ рѣчь о первомъ массовомъ, открытомъ выступленіи рабочихъ завода на путь сознательнаго протеста, и описывается первомайское шествіе ихъ съ красными флагами и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Моментъ, что называется, самаго высокаго давленія,—а читаете вы эти страницы, пересыпанныя въ видѣ кайенскаго перца обрывками этихъ пѣсенъ,—и вамъ дѣлается прямо-таки жаль автора и его героевъ, становящихся положительно въ комическое положеніе. Получается впечатлѣніе—точь-въ-точь такое, какъ еслибы жалкій, пыжащійся перепрыгнуть черезъ самого-себя провинціальный актеръ ломалъ на всѣ лады трагическую роль и въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ—въ-родѣ монолога „Быть, или не быть...“—вызывалъ-бы смѣхъ райка. „Вставай, подымайся, рабочій народъ!“—то-и-дѣло восклицаетъ г. Горькій,—„Отречемся отъ стараго міра!“ и т. д.,—но по этимъ страницамъ его повѣсти уже очевиднѣе очевиднаго, что самому-ему уже никогда болѣе не подняться на ту весьма почетную высоту, до которой онъ когда-то былъ поднятъ исключительностью своего положенія и своимъ, выходившимъ изъ ряда шаблонщины, дарованіемъ,—что, отрекшись отъ роли художника-бытописателя, онъ уже не въ состояніи болѣе къ ней вернуться въ своихъ новыхъ произведеніяхъ.

Попытка съ этой послѣдней повѣстью, начатая такъ удачно, и осталась только попыткою, доказавшею воочію его безсиліе—какъ художника, и нищету—какъ трезво глядящаго на жизнь мыслителя. „Лубокъ“—такъ и останется лубкомъ, какіе ярлыки на него ни налѣпляй, какими именами ни подписывай...

Въ той-же книгѣ „Сборника“ продолжаются очерки автора „Записокъ врача“, В. Вересаева—„На войнѣ“. Эти очерки иначе никакъ и не назовешь, какъ живой лѣтописью недавнихъ, пережитыхъ русскимъ народомъ-страстотерпцемъ ужасовъ.

Много было написано объ этой несчастной войнѣ, принесшей намъ столько горькихъ разочарованій, столько тяжкихъ обидъ русскому самосознанію. Мнѣ приходилось уже отмѣчать въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ помѣщенную въ тѣхъ-же „Сборникахъ“ Знанія большую, ярко и сочно написанную повѣсть Георгія Эрастова („Отступленіе“), съ содержаніемъ изъ той-же кровавой эпопеи. Но еще ничего столь безжалостно обнажающаго всѣ наши язвы, всѣ скрытыя раны нашей общественности, какъ очерки г. Вересаева, мнѣ не попадалось въ руки. Очерки эти производятъ тѣмъ болѣе сильное, скажу прямо—потрясающее, впечатлѣніе, что беллетристическая „выдумка“ здѣсь совершенно отсутствуетъ. Авторъ, въ качествѣ врача самъ переживши всю страду войны, ведетъ читателя, шагъ за шагомъ, по кровавымъ полямъ Маньчжуріи и съ *документами* въ рукахъ разбиваетъ на-голову всѣхъ паразитовъ народнаго горя, всѣхъ облеченныхъ властью мародеровъ войны, своимъ преступнымъ хищничествомъ и не менѣе преступными халатностью и юпитерскимъ высокомѣріемъ тормозившихъ каждый шагъ арміи. Ужасъ, сплошной ужасъ!.. Особенно ярко выступаютъ картины всего этого паразитства и мародерства тамъ, гдѣ г. Вересаевъ касается военно-медицинской службы и врачебныхъ нуждъ арміи — какъ самаго близкаго ему пункта наблюденій. Такъ и хочется, видя—какъ проходятъ предъ вами всѣ эти преступники, попустители и укрыватели преступленій, всѣ эти „мерзавцы своего отечества“ и „патріоты собственнаго кармана“, крикнуть во всеуслышаніе:

„Плюньте-жъ въ глаза вы имъ, честные люди!..“

И еще выше поднимается—на фонѣ всей этой грязной накипи, всплывшей съ тинистаго дна доморощеннаго бюрократизма—увѣнчанный терніями геройскій обликъ русскаго солдата и рядового офицерства, выносившаго бокъ-о-бокъ съ нимъ всѣ тяготы войны. Русскій солдатъ, русскій офицеръ, русскій врачъ, русская сестра милосердія,—всё это одинъ, стихійный герой, предъ которымъ можно только преклоняться съ чувствомъ благоговѣйнаго изумленія... Но—наряду съ этими незамѣтными, заслонёнными, оттѣсненными на задній планъ героями парадируетъ во всемъ своемъ, высосанномъ изъ крови, пота и слезъ народныхъ, блескѣ паразитствовавшая толпа, изо всѣхъ силъ способствовавшая развитію тѣхъ ужасовъ, которыми потрясаетъ читателя скорбная лѣтопись г. Вересаева, появляющаяся какъ-разъ въ то-самое время, когда острый періодъ боли, причиненной нашей несчастной родинѣ войною, перешелъ уже въ періодъ разоблаченій,—когда общество можетъ уже болѣе трезво взглянуть въ глаза прошлому, хотя и столь недавнему. Несомнѣнно, что среди переполняющихъ теперь столбцы прессы разоблаченій очерки В. Вересаева займутъ первое мѣсто. Газетный шумъ и гомонъ затихнетъ, смѣнится другимъ—по другому поводу, а эта книга останется незабываемымъ укоромъ всему русскому обществу. Пройдутъ годы,—и, перечитывая её, мы съ ужасомъ и чувствомъ омерзенія будемъ восклицать:

— „Да неужели же это наша быль, наша грязь? Неужели нашъ общественный организмъ *былъ* способенъ выдѣлять изъ себя такихъ „героевъ“, такихъ „обагряющихъ руки въ крови“, такихъ паразитовъ?!.“

И съ грустью придется самимъ-же отвѣтить на эти вопросы утвердительно:

— „Да, это всё *наше*: это — *мы сами*!..“

И останется утѣшаться только сознаніемъ того, что все это хотя и было, но уже „быльемъ поросло“,—что возвратъ къ чему-нибудь подобному, повтореніе всего этого—уже невозможны.

Горькую правду, тяжело воспринимаемую на-вѣру правду, сказалъ г. Вересаевъ своими очерками-записками,—но сказалъ честно, открыто, обоснованно и въ то-же время ярко, жизненно и художественно. Его страницы—горятъ правдой... Побольше-бы *такой* правды,—и великая ложь нашего времени сошла-бы со своего изукрашеннаго мишурой и побрякушками пьедестала. Вѣдь нельзя никогда забывать того мудраго изреченія, которымъ запечатлѣлъ свою вѣру въ торжество добра надъ зломъ нашъ народъ, сказавши:

— „Ложь—до правды стоитъ!..“

*) См. №№ 161—346; 360, 371, 377, 384, 391, 398, 405, 412, 419, 426, 432, 447, 453, 461, 467, 474, 491, 498, 505, 512, 518, 524, 531, 538, 544, 550, 562, 568, 573, 584 и 590.

ужасѣ зажимая уши. Компанія парней, подъ предводительствомъ волостного писаря, мнѣ пѣла „серенаду“, ужасную, подлую, возмутительную. Особенно старался писарь... И потекли дни за днями. О, какой это былъ сплошной ужасъ!.. Дѣтей ходило въ школу до обидности мало. Я пробовала обращаться къ родителямъ, усовѣщивала ихъ, но всюду почти встрѣчала одно: глумленія, насмѣшки.

— „Молода, больно, учить-то...“

— „Ишь, какая франтиха“...

Тогда я рѣшила завоевать ихъ довѣріе. Я стала обходить избы, неся туда мои медицинскія познанія. Какія ужасныя картины видѣла я! Я видѣла, какъ беременную женщину парили въ раскаленной печкѣ, „штобы скорѣй опросталась она“. Когда я бросилась ее вытаскивать, она-же первая обратила ко мнѣ искаженное злобой лицо и крикнула:

— „Матушки-сестрицы! Ослабоните меня отъ этой *ученой нечисти!*“ —Тутъ подоспѣла и месть со стороны писаря и старшины. Узнавъ, что я „врачую“, они стали подсылать ко мнѣ мужичковъ и парней, жалующихся на хворь. Я никогда не забуду одной сцены. По окончаніи школьныхъ занятій, являются два парня.

— „Вѣра Миколавна, ты, слышь, лѣчишь?“

— Не лѣчу, потому что я не докторъ, а чѣмъ помочь могу—съ удовольствіемъ.

— „Такъ вотъ, сдѣлай одолженіе... Посмотри, что это приключилось...“

Моментъ,—и я еле удержалась на ногахъ. Зато — какой ликующій, злорадный хохотъ вырвался у писаря, стоявшаго за угломъ сосѣдней избы. Черезъ два дня я оставила „Пѣтушки“.

— Отчего-же вы не жаловались?

— Гордость не позволяла. Да и на кого? И за что? На бѣдныхъ рабовъ власти тьмы? за то, что они „врага не узнаютъ отъ друга?“ Какое ужъ это „служеніе идеѣ“, если за урядникомъ посылать!.. Ну-съ, меня—по усиленному ходатайству—перевели въ другую волость, въ другое село, хотя и поставили на видъ, что я, кажется, „безпокойная“, „неуживчивая“. Мое душевное состояніе было крайне подавленное. Замѣтивъ, что и тутъ моя „смазливость“ внушаетъ многимъ желаніе „поохотиться“ на меня, я... я остригла свои косы и надѣла очки-„консервы“. Увы! Это принесло не мало новыхъ волненій.

— „Видите-ли, — сказалъ мнѣ мой начальникъ,—у васъ—ни-ги-лис-ти-ческая наружность. Знаете, всѣ эти стриженые волосы и очки пора уже сдать въ архивъ“.

И надъ моей школой этотъ земецъ учредилъ строгій надзоръ; этому я только радовалась. Я съ жаромъ принялась за просвѣщеніе милыхъ малышей. Съ деревней я отлично сошлась. Мужики и бабы полюбили меня, между нами образовалась тѣсная связь. Я навѣщала ихъ, лѣчила, какъ умѣла (врачебный пунктъ отстоялъ въ 15 верстахъ отъ этого села), хлопотала о пріобрѣтеніи дешевой библіотеки для нуждъ деревни... Но... но мои волосы и очки разрушили все!

— Не понимаю-съ, почему эта подозрительная внѣшность...—стоялъ на своемъ ретивый земецъ.

— Ну, извольте: я не буду носить очковъ... Вѣдь вы-же, ваша земская нива, ваши „Пѣтушки“ заставили меня прибѣгнуть къ этому... Но поймите сами: не могутъ-же мои волосы—для вашего успокоенія — вырости въ нѣсколько дней?—доказывала я.

— Я завтра буду на урокѣ.

Я, какъ сейчасъ, помню одинъ изъ этихъ уроковъ въ присутствіи этого господина. Онъ вошелъ въ классъ, даже не поклонившись мнѣ, и усѣлся на стулъ посерединѣ комнаты.

— Скажи, ты, бѣлобрысый, сколько будетъ дважды пять?

— Десять...—прошепелявилъ мальчуганъ.

— Десять?! Врешь: одиннадцать!

— Одиннадцать...—покорно отвѣтилъ „бѣлобрысый“.

— Вотъ какъ? Недурно, сударыня, преподаете вы науки: вашъ ученикъ не знаетъ, сколько будетъ дважды пять! Пре-вос-ход-но!..

Когда онъ уходилъ, я догнала его у дверей школы и рѣзко бросила ему:

— Послушайте, вы, строгій экзаменаторъ! Мнѣ стыдно за васъ... Мнѣ надоѣла вся эта жалкая комедія.

Я оставила и второе мѣсто моего подвижничества. Попала я, наконецъ, на третье и послѣднее мѣсто. Это былъ настоящій медвѣжій уголъ, какихъ не мало на Руси. Бѣдность, нищета тутъ царили страшныя. Мнѣ не столько приходилось учить и лѣчить, сколько кормить голодныхъ дѣтей. — „Хлѣбушка дай... ѣсть хотця“. Пока у меня было, я давала. Но наступилъ уже тотъ страшный моментъ, когда у меня не осталось ни копѣйки. Проходитъ мѣсяцъ, второй—жалованья нѣтъ. Что дѣлать? Дѣти—скулятъ, а у меня у самой второй день ни кусочка чернаго хлѣба во рту не было. Наконецъ, не выдержала. Пошла въ лавку и говорю: „Христа-ради, дайте мнѣ подводу до города доѣхать. Съ голоду умираю“.—„Матушка вы моя, да берите... Какъ-же такъ, барышня?!.“ — всплеснулъ руками лавочникъ. И поѣхала я на его телѣгѣ въ городъ въ земскую управу. Какъ дотащилась я—не буду разсказывать вамъ. Нѣсколько разъ въ обморокъ отъ истощенія падала. Но, какъ только вошла я въ управу и услышала жирный, раскатистый хохотъ предсѣдателя и подобострастныя хихиканія господъ членовъ,—откуда и силы взялись.

— Я явилась къ вамъ, г. предсѣдатель,—начала я,—чтобы поблагодарить васъ за все, что вы сдѣлали для меня.

— „Сударыня... польщенъ... польщенъ...“— не понялъ онъ.

— И не только за себя пришла я благодарить васъ, но и за тысячу мнѣ подобныхъ. Ваше отеческое, чисто гуманное отношеніе къ скромнымъ труженицамъ земской нивы, по-истинѣ, поразительно и трогательно.

— „О, вы преувѣличиваете мои заслуги!..“

— Преувеличиваю? И не думаю: скорѣе — умаляю. Мы идемъ къ вамъ съ открытой душою, на вашъ земскій призывъ послужить великому дѣлу, а вы... вы...

У меня потемнѣло въ глазахъ, и я упала должно-быть. Когда я очнулась, около меня суетился врачъ, а предсѣдатель совалъ мнѣ чуть не прямо въ носъ деньги.

— „Вотъ, вотъ ваше жалованье... Ахъ, Боже мой, отчего вы прямо не сказали, что вы—учительница?!“

Р. Антроповъ.

„Взглядъ и нѣчто“.

Отъ времени до времени заѣзжаетъ ко мнѣ одинъ мой добрый пріятель, живущій въ Гельсингфорсѣ. Признаюсь, всякій его пріѣздъ составляетъ для меня большой интересъ, потому что, обмѣнявшись первыми привѣтствіями, мы тотчасъ-же начинаемъ говорить о политикѣ, а такъ какъ онъ говоритъ исключительно о финляндской политикѣ, то для меня это своего рода новость.

— Вы что-же молчите?—говоритъ онъ, упрекая меня.—Занялись ка-детами, и не видите уже ничего!

— Дѣйствительно, вопросы окраинной политики мало занимаютъ насъ!

— Ну, вотъ видишь, ты самъ сознаёшься!

— Но виновнымъ себя не признаю! Потому, что, если вопросы внутренней политики требуетъ разработки печати, то это объясняется тѣмъ, что здѣсь происходитъ борьба власти и народнаго представительства, и, слѣдовательно, каждый органъ долженъ стать на ту или другую сторону. На окраинахъ этого быть не можетъ, тамъ нельзя допустить борьбы населенія или его представителей съ властью, а потому, конечно, и говорить нечего!

— А, межъ тѣмъ, борьба происходитъ? Слѣдовательно объ ней надо говорить?

— Но мнѣ кажется, ты немного неправъ—это не борьба, допускаемая въ предѣлахъ закона, а это просто стремленіе къ отдѣленію. Когда финляндцы впервые высказали мысль о возможности отдѣлиться отъ Россіи, то всѣ разсмѣялись, а теперь, повидимому, это уже совсѣмъ не смѣшно.

— Еще-бы! Мы это испытываемъ на себѣ. Совершенно откровенно намъ, русскимъ чиновникамъ, говорятъ, что мы здѣсь временно, и что скоро наши мѣста будутъ занимать финляндскіе чиновники!

— И вы на это?

— Только улыбаемся, какъ улыбается и наше начальство, потому что говоритъ-же Мехелинъ, совершенно опредѣленно, что онъ займетъ мѣсто Герарда. Когда Герардъ уѣзжалъ изъ Финляндіи, то всѣ были убѣждены, что онъ больше не вернется, и новымъ генералъ-губернаторомъ будетъ взятъ новый курсъ. Мы немножко ожили, но странно было то, что финны нисколько не сомнѣвались въ томъ, что Герардъ вернется. Очевидно, они знали, что есть такія пружины, которыя Герарду стоитъ понажать, и все будетъ благополучно. Такъ и случилось. Пока онъ ѣздилъ, пока онъ хлопоталъ здѣсь, въ Петербургѣ, финляндскій сеймъ дѣлалъ свое

Великая, чреватая кровавыми послѣдствіями, ложь нашего смутнаго времени образовалась-возникла и укрѣпляется стѣною всевозможныхъ проявленій мелкой, жалкой и смѣшной по своему существу лжи. Объ этомъ мнѣ приходилось уже говорить не разъ и не два на этихъ столбцахъ. Но, на мой взглядъ, не мѣшаетъ, время отъ времени, и возвращаться къ этому, все еще не утрачивающему своей остроты вопросу...

Отъ горькой правды Вересаева до смѣхотворной лжи Ѳедора Сологуба — дистанція огромнаго размѣра. Но почему-бы не остановиться и на ней,—хотя-бы мелькомъ, вскользь.. Въ послѣдней книжкѣ „Бесѣды“ этотъ декаданса ради юродствующій поэтъ прикидывается страшнымъ и грознымъ мстителемъ за то, что̀, кажется, невѣдомо и ему-самому. Конечно, съ атрибутами „недотыкомки сѣрой“ ему никого не удается запугать, а получается одна жалость...

И смѣшно, и жалостно, а отнюдь не страшно,—хотя Ѳ. К. Сологубъ и предупреждаетъ, чтобы надъ нимъ никто не смѣялся, увидѣвъ его, такъ сказать, въ нарядѣ, долженствующемъ служить къ устрашенію честной публики. „Не смѣйся надъ моимъ нарядомъ“,— восклицаетъ онъ въ первой-же строчкѣ,— „не говори, что для него я старъ,—я зачарую властнымъ взглядомъ, и ты познаешь силу чаръ...“ Предупрежденному о такихъ страстяхъ читателю только и остаётся, что вооружиться всею имѣющеюся у него въ запасѣ силою воли, могущею противустоять „властнымъ чарамъ“ г-на Сологуба, и внимать со страхомъ и трепетомъ вѣщаніямъ поэта. Въ чемъ-же состоятъ эти властныя чары? Что̀ за нарядъ на грозномъ Ѳедорѣ Кузьмичѣ?!.

„Я на бекрень надвину шляпу,
Я плащъ надѣну на плечо,—
Ты на плечѣ увидишь лапу,—
Химеры дышутъ горячо.
Съ моимъ лицомъ лицо химеры
Увидишь рядомъ ты.
Ты слышишь, слышишь запахъ сѣры?
И на груди моей цвѣты.
Кинжалъ. *Смѣешься?!.* Стары ножны?
Но онъ увертливъ, какъ змѣя.
Дрожишь? Вы всѣ неосторожны.
Я не смѣшонъ... Убью! Безуменъ я!..“

Неужели такъ-таки вамъ и не страшно отъ этого „убью!“ г-на Сологуба, надвинувшаго „на бекрень“ шляпу, накинувшаго плащъ на плечо, украсившаго грудь цвѣтами и—вмѣсто традиціонной гитары испанскихъ гидальго — сжавшаго въ рукѣ кинжалъ?!. Что „безуменъ“ онъ (вѣрнѣе—временами напускаетъ на себя безуміе!)—это всѣмъ здравомыслящимъ читателямъ извѣстно; а вѣдь—чего добраго!—въ трансѣ безумія возьметъ да и убьётъ если не кинжаломъ, то стихами... Развѣ не убійственно хотя-бы его стихотвореніе, напечатанное въ августовской книгѣ „Вѣсовъ“?.. Одно заглавіе—чего стоитъ: *„Чортовы качели“!..* Провозгласившій себя когда-то „сыномъ дьявола“, поэтъ на сей разъ, послѣ общенія съ „химерами“, снисходитъ до простого русскаго чорта,—хотя, впрочемъ, и не совсѣмъ ужъ простого, а—какъ увидите дальше—окрашеннаго его поэтической фантазіей въ голубую краску. „Въ тѣни косматой ели, надъ шумною рѣкой качаетъ чортъ качели мохнатою рукой...“ На качеляхъ сидитъ самолично г-нъ Сологубъ. Чортъ качаетъ, а самъ хохочетъ надъ нимъ, хватаясь за бока. „Держусь, томлюсь, качаюсь,“—продолжаетъ убивать своихъ читателей авторъ,—„впередъ—назадъ, впередъ—назадъ, хватаюсь и мотаюсь, и отвести стараюсь отъ чорта томный взглядъ...“ Но это, очевидно, ему не удаётся:

„Надъ верхомъ темной ели
Хохочетъ голубой:
— Попался на качели,
Качайся, чортъ съ тобой!
Въ тѣни косматой ели
Визжатъ, кружатъ гурьбой:
— Попался на качели,
Качайся, чортъ съ тобой!“

Положеніе, въ полномъ смыслѣ слова, трагическое,—тѣмъ-болѣе, что г. Сологубъ самъ-же дальше признаётся, что онъ знаетъ, что „чортъ не броситъ стремительной доски, пока его не скоситъ грозящій взмахъ руки“... Страшно за бѣднягу-поэта, попавшаго въ такую передѣлку,—но нашего неустрашимаго сына дьявола ничѣмъ не запугаешь,—онъ еще самъ напуститъ на всѣхъ, не испускающихъ „запаха сѣры“, такого страха, что они только диву дадутся. Развѣ мало обѣщаетъ страшнаго хотя-бы заключительная строфа стихотворенія:

„Взлечу я выше ели
И лбомъ о землю—*трахъ!*
Качай-же, чортъ, качели,
Все выше, выше,—*ахъ!..*“

Хотя по стихотворной техникѣ эта строфа и смахиваетъ на знаменитый виршъ блаженной памяти Василія Кирилловича Тредіаковскаго: „Екатерина, о, поѣхала во Царское Село!“,—но внушительна до высокой степени... Боюсь только я за грознаго Ѳедора Кузьмича, какъ бы ему не пришлось услышать и отъ читателей, въ видѣ реприманда неожиданнаго, фразу въ-родѣ: „Качайся, чортъ съ тобой!..“ Впрочемъ, это—только предположеніе, быть можетъ—и ошибочное...

Кромѣ „Бесѣды“ І. І. Ясинскій приступилъ къ изданію „Историческаго Журнала для всѣхъ“. Первая книжка его уже вышла и—надо отдать ей справедливость—составлена разнообразно, интересно и талантливо. Судя по помѣщенному въ ней историко-литературному матеріалу, это, очевидно, будетъ журналъ, стоящій внѣ всякихъ партій, преслѣдующій только одну историческую правду и доступный по изложенію — именно *для всѣхъ*. Насколько разнообразно составлена эта книжка, можно судить по тому, что въ ней помѣщены: рядъ неизданныхъ писемъ Ант. П. Чехова (изъ переписки съ И. Л. Щегловымъ), воспоминанія К. Делазари („Проклятая“, петербургская быль), разсказъ самого Максима Бѣлинскаго—„Торжество Побѣдоносцева“, раскрывающій въ живыхъ и яркихъ образахъ судьбу россійской конституціи императора Александра II, осуществленію которой помѣшало цареубійство,—начало романа Анатоля Франса „Оивандскіе пустынники“, неизданное стихотвореніе М. Л. Михайлова, отрывки изъ записокъ гр. Дебоань („Таинственный голосъ“) и пр., и пр.

Останавливаетъ на себѣ вниманіе болѣе всего „Торжество Побѣдоносцева“—какъ по глубокому интересу взятаго въ основу разсказа историческаго момента, такъ и по талантливости воспроизведенія этого момента, затормозившаго переломъ русской общественной и государственной жизни на цѣлую четверть вѣка. Личность злого генія русской свободы обрисована мастерскими штрихами и—что самое главное!—безъ всякихъ уклоненій въ сторону тенденціозности. Всѣ лица названы собственными именами, историческая правда документально вѣрна.

Письма покойнаго А. П. Чехова по содержанію особенно новаго ничего не представляютъ, касаясь почти исключительно сцены и области драматургіи, неоднократно уже появлявшихся въ печати въ опубликованныхъ ранѣе матеріалахъ изъ переписки его съ друзьями,—но въ качествѣ матеріала къ характеристикѣ самого ихъ автора далеко не лишній придатокъ. Есть и въ нихъ не мало штриховъ, накладывающихъ хотя и едва уловимые на первый взглядъ, но полные значенія, блики на свѣтлый обликъ поэта нашихъ „хмурыхъ людей“.

Стихотвореніе М. Л. Михайлова, едва-ли не лучшаго изо всѣхъ нашихъ переводчиковъ Гейне, такъ мелодично и прочувствованно, что его такъ и хочется привести какъ-бы для сопоставленія съ образцами современнаго рифмованнаго бреда г-дъ Блоковъ, Сологубовъ и К°. Оно посвящено покойной Л. П. Шелгуновой.

„Я пробудилъ, лаская и цѣлуя,
Тебя, мой другъ, отъ тягостнаго сна,
Ты въ новый путь пошла со мной, ликуя,
И гордости, и смѣлости полна!
Тотъ пошлый міръ, гдѣ все тебя давило,
Сталъ для тебя ужаснѣе тюрьмы...
И весело, и сладостно такъ было
Тебѣ бѣжать изъ холода и тьмы...
Младенчески мы оба ликовали,
И не было предчувствія у насъ,
Что настаютъ гоненья и печали,
Что прозвучитъ разлуки грозный часъ...
Онъ прозвучалъ! Ты мнѣ сжимаешь руки...
Къ груди больной склоняешься въ мольбѣ,
Тебѣ не вынести, безпомощная, муки,
Не побѣдить враговъ своихъ въ борьбѣ!
Быть можетъ, завтра-же, слезами орошая,
Холодный трупъ, услышишь судъ людской
За то, что ты рѣшилася, святая!—
Нести мой крестъ, дѣлить мой трудъ со мной!..“

Сколько грустныхъ воспоминаній пробуждаетъ это стихотвореніе у тѣхъ, кому извѣстна судьба нашего „русскаго Гейне“, стоявшаго въ передовыхъ рядахъ истинныхъ борцовъ освобожденія. Слова у такихъ людей, какъ М. Л. Михайловъ, не расходились съ дѣломъ, были не только громкими и красивыми словами, а живыми отзвуками живого дѣла. Можно-ли будетъ сказать то-же-самое о многихъ и многихъ современныхъ нашихъ, становящихся на ходули, кричащихъ о себѣ на всѣхъ перекресткахъ, самовлюбленныхъ и саморекламирующихся „борцахъ“?!. Едва-ли...

Литературный Старовѣръ.